

В. К. Ашуров

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЕЕ ВИДОВ

В статье предпринята попытка осмысления феномена уголовно-процессуальной практики, рассмотрена классификация ее видов, свойства уголовно-процессуальной практики.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная практика, правоприменение, властные субъекты, реализация права.

V. K. Ashurov

ABOUT THE CONCEPT OF CRIMINAL PROCEDURE PRACTICE AND CLASSIFICATION OF ITS TYPES

In the article the author makes an attempt to understand the phenomenon of criminal procedure practice and considers classification of its types and properties of criminal procedure practice.

Keywords: criminal procedure practice, law enforcement, subjects of power, exercise of right.

Для обеспечения выполнения назначения уголовного судопроизводства явно недостаточно создания прогрессивного законодательства, гарантирующего надежную основу защищенности личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства. Данное законодательство должно действительно «работать» благодаря единообразному применению норм права в досудебном и судебном производстве по уголовным делам в соответствии с реальной волей законодателя, закрепленной в системе норм современного УПК РФ. Именно уголовно-процессуальная практика как процесс и одновременно продукт правоприменения создает специфический режим, в котором возникают и развиваются уголовно-процессуальные отношения.

Уголовно-процессуальная практика является разновидностью юридической практики со всеми присущими ей чертами. В общей теории права под юридической практикой понимают «деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации его норм, заключающуюся в издании нормативных актов и совершении различных индивидуальных правовых актов» [1].

Проанализировав высказанные в науке позиции по понятию и содержанию уголовно-

процессуальной практики, П. Г. Марфицин предложил рассматривать уголовно-процессуальную практику в двух аспектах: 1) как процесс правотворчества в сфере уголовного судопроизводства и социальный опыт, накопленный в связи с этим; 2) как реализацию правовых предписаний в ходе осуществления производства по уголовному делу [2].

Данное понимание уголовно-процессуальной практики раскрывает различные ее составляющие — нормотворческую и правоприменительную, что дает широкий спектр представлений для уяснения сущности указанного правового явления. В связи с этим мы полагаем целесообразным употреблять такой подход при характеристике уголовно-процессуальной практики в «широком смысле».

При этом надо учитывать, что чаще всего в научной литературе и в деловом обороте используется понимание уголовно-процессуальной практики именно в последнем, правоприменительном аспекте, на который обратил внимание П. Г. Марфицин: обычно под уголовно-процессуальной практикой подразумевают реализацию правовых предписаний в ходе осуществления производства по уголовному делу. Полагаем, что данный аспект

условно можно назвать уголовно-процессуальной практикой в «узком смысле», или правоприменительной практикой.

Именно этот правоприменительный аспект вызывает наибольший интерес у исследователей, так как в процессе реализации норм права возникают проблемы правильного уяснения воли законодателя, адекватного применения предписаний закона, обеспечения при этом прав и законных интересов участников уголовного процесса и в итоге — выполнения назначения уголовного судопроизводства в целом.

К. М. Гарапшин определяет правоприменительную практику как сложный юридический феномен, представляющий собой сторону и результат правоприменения, существующий в виде реальной деятельности субъектов правоприменения, а также обобщений, объективированных в определенных документах, содержащих правоприменительные положения, рекомендации по методике применения юридических норм и использования материалов практики [3]. Данный автор выделяет два момента правоприменительной практики, рассматривая ее как сторону и результат правоприменения. Полагаем, уместнее в этом контексте говорить не о «стороне и результате», а о «процессе и результате», опираясь на исходные постулаты теории юридического процесса. Кроме того, К. М. Гарапшин не без оснований отмечает особую форму существования правоприменительной практики в виде обобщений, объективированных в определенных документах, содержащих правоприменительные положения, рекомендации по методике применения юридических норм и использования материалов практики.

Схематично структуру правоприменительной практики в таком аспекте можно представить как синтез двух составляющих. Во-первых, как процесс реализации норм права в конкретных следственных ситуациях и при разбирательстве конкретных уголовных дел, находящий свое завершение в издании соответствующих правоприменительных актов. По сути, эта составляющая позволяет рассматривать «правоприменение как властно-организующую деятельность субъектов, ведущих уголовный

процесс» [4], со всеми присущими ей атрибутами. Условно эту форму существования уголовно-процессуальной практики можно назвать собственно эмпирической формой.

Во-вторых, правоприменительная практика предстает и как результат обобщения, анализа и синтеза конкретной деятельности правоприменителей и их актов, отраженный в ведомственных обзорах, приказах, других документах, носящих инструктивный характер для соответствующих субъектов права. Этот уровень правоприменительной практики является «более высоким» по отношению к реальному правоприменению, где возможно неверное толкование норм права субъектами правоприменения, умышленное пренебрежение требованиями закона «в интересах следствия» или конкретных лиц. Официальное разъяснение для субъектов правоприменения сути законодательных установлений, даваемое вышестоящими судебными инстанциями, Конституционным судом РФ, Генеральной прокуратурой РФ, является совершенно иной формой проявления уголовно-процессуальной практики. С учетом обобщающего характера этих разъяснений, признания интерпретационного характера указанной деятельности эту форму существования уголовно-процессуальной практики можно условно назвать интерпретационно-синтезирующей.

Исходя из значимости рассматриваемого аспекта уголовно-процессуальной практики, необходимо уяснить его сущность через анализ различных характеристик, выявляемых при классификации видов правоприменительной практики. Такой подход позволяет отразить ее значимые черты и абстрагироваться от несущественных моментов.

Попытки классифицировать виды правоприменительной практики предпринимались и учеными, занимавшимися общей теорией права, и учеными-процессуалистами [5]. П. Г. Марфицин предлагает несколько оснований для классификации правоприменительной практики:

- 1) по сфере общественных отношений, в которых она формируется, т. е. по объекту практики с учетом отраслевого деления права.

При этом он считает уместным говорить и о более низком уровне классификации практики внутри специфических общественных отношений — по узкому кругу охватываемых отношений (в уголовно-процессуальной практике он выделяет практику возбуждения уголовных дел, практику применения мер пресечения и т. п.) [2];

2) по субъектам (выделяется судебная, прокурорская, следственная практика). Ряд авторов предлагает большую детализацию по субъектам, исходя из иерархии субъектов внутри одного ведомства (так, В. Н. Карташов к судебной практике относит практику Верховного суда Российской Федерации, областных, районных судов [5]). Мы полагаем, что имеет смысл говорить также и о ведомственной практике (следственная практика органов внутренних дел, следственная практика подразделений Госнаркоконтроля; следственная практика СК России), так как внутри ведомств существуют свои, специфические подходы к разрешению проблем, возникающих при правоприменении;

3) по степени индивидуальности можно выделить практику конкретного правоприменителя и коллективную (групповую) практику [2];

4) по степени распространенности практика может быть подразделена на повсеместную, региональную, местную;

5) по степени юридической урегулированности выделяется:

— официальная уголовно-процессуальная практика, которая, в свою очередь, складывается из деятельности и опыта: а) накопленных в результате реализации норм уголовно-процессуального права; б) основанных на ведомственных нормативных актах (например, указаниях и приказах Генерального прокурора, министра внутренних дел) и в) судебных решениях;

— неофициальная практика, т. е. действия и опыт по осуществлению этих действий, которые не получили закрепления в нормативных актах [2].

Немаловажным представляется не только деление на виды существующей правоприменительной практики, но и вычленение особых свойств этого социального явления, о которых пишет П. Г. Марфицин.

Под свойствами он понимает качество, признак, составляющие отличительную особенность уголовно-процессуальной практики независимо от ее вида. К таким свойствам он относит: устойчивость (В. Т. Томин употребляет термин «инертность» [6]), позитивность или негативность практики.

В целом соглашаясь с таким подходом, полагаем, что можно выделять и такое свойство, как способность практики влиять на законотворческий процесс. Дело в том, что между правоприменительной практикой и законотворчеством существует диалектическая взаимосвязь, которая проявляет себя в обоюдном влиянии этих социальных явлений друг на друга: в результате законотворчества возникают новые нормативные установления, корректирующие существующую практику и создающие новую систему правоприменения; одновременно выявленные в ходе правоприменения пробелы нормативного регулирования на практике восполняются иногда способами, которые ввиду их целесообразности и востребованности становятся основой для формулирования соответствующих законодательных новелл.

Исследовав виды правоприменительной практики, ее свойства и субъекты, П. Г. Марфицин предлагает определение уголовно-процессуальной правоприменительной практики «как деятельности органов дознания (дознателей), следователей, начальников следственных отделов, прокуроров, судей (суда), адвокатов по реализации положений уголовно-процессуального права, взятой в единстве с накопленным опытом рассмотрения, разрешения информации о преступлениях и уголовных дел, а также с обобщениями и рекомендациями по применению уголовно-процессуальных норм и материалов практики» [2].

Полагаем, в данной дефиниции присутствует ряд спорных моментов. Во-первых, уж коль автор определяет понятие правоприменительной практики, следует придерживаться базовых положений общей теории права, которая различает понятия реализации права и применения права, относя последнее к особой форме реализации правовых предписаний

(наряду с их исполнением, соблюдением и использованием). Как отмечает Н. Н. Вопленко, «применение права есть властная организационная деятельность компетентных, т. е. специально на это уполномоченных органов и должностных лиц по рассмотрению и разрешению юридических дел путем издания индивидуальных правовых предписаний на основе и во исполнение действующего законодательства» [7].

С учетом этого включение в дефиницию указания на адвокатов, чья деятельность по реализации положений уголовно-процессуального права толкуется П. Г. Марфициным как часть правоприменительной уголовно-процессуальной практики, представляется нам необоснованным. Адвокаты не могут быть признаны правоприменителями исходя из самой природы правоприменения, которой имманентно присуща публичность.

Указание на адвокатов было бы уместным, если бы речь шла об уголовно-процессуальной практике как таковой, в которую, безусловно, «особым пластом» включается адвокатская практика. Но тогда возникает вопрос: если данную дефиницию посвятить понятию уголовно-процессуальной практики, тогда наряду с формами реализации права туда необходимо было включать и деятельность законотворческую, о чем мы упоминали в начале настоящей статьи.

Далее обращает на себя внимание тавтологичность заключительной части определения П. Г. Марфицина, где упоминаются материалы практики.

Для нивелирования указанных спорных моментов полагаем необходимым различать понятия «уголовно-процессуальная правоприменительная практика» и «практика реализации норм уголовно-процессуального права». По сути, именно о последнем правовом явлении и идет речь в дефиниции П. Г. Марфицина. Причем практика реализации уголовно-процессуальных предписаний может быть представлена и в виде практической деятельности по применению, исполнению, соблюдению и использованию права, и в виде того опыта, который в обобщенной форме направляет и организует деятельность

правоприменителей, придерживающихся рекомендаций, изложенных в актах официального толкования права.

Список библиографических ссылок

1. Реутов В. П. Правоприменительная практика: понятие и место в правовой системе // Современная правоприменительная практика как осуществление правовой политики перестройки в СССР. Пермь, 1989. С. 5.
2. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 264.
3. Гарапшин К. М. Правоприменительная практика в советском общенародном государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985. С. 8.
4. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 10.
5. Карташов В. Н. Юридическая практика // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995; Марфицин П. Г. Указ. соч.; Реутов В. П. Указ. соч.
6. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 206.
7. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права : монография. Волгоград, 2009. С. 401.

© В. К. Ашуров, 2011